

МОРЯКИ КАРАВАНА RQ16 В РУССКИХ ПОРТАХ

Любой новый для тебя город, который ты видишь с палубы корабля, возбуждает интерес к неизвестному. Путешественник разглядывает берег и представляет себе, что это - порт его мечты, но когда он сходит на землю, часто обнаруживается, что перед ним не более чем убогая деревня.

Морякам конвоя RQ16 было видно, что Мурманск вовсе не был деревней. Расположенные за полосой причалов каменные здания достигали 3-5 этажей в высоту - они были выстроены не по линейке и разбросаны на разные расстояния друг от друга. Казалось, они были мертвыми: в окнах не было видно людей, вообще в них не было признаков жизни. Не было ни одной живой души поблизости от домов или на причалах. Стояли дома и на склонах холмов, тоже раскиданные по площади с обширными пустыми пространствами между ними. Мурманск казался мертвым под свинцовым, затянутым низкой облачностью небом. Шел дождь. Чтобы быть совсем точным, город казался чем-то за пределами реальности. Это слово часто встречается в рассказах тех, кто побывал здесь, и впервые я услышал его от британского морского офицера, которого долго расспрашивал о Мурманске. "Мы чувствовали, что находимся в другом мире, - сказал он, - в каком-то другом нереальном мире".

Суда были сначала проведены к якорной стоянке, расположенной выше устья реки, на берегах которой стоит город. Официально было объявлено, что команды судов будут иметь время на отдых, в действительности нужно было ждать, когда станут доступными портовые краны. Через сутки судно, частично загруженное боеприпасами, встало под разгрузку. Причалы Мурманска вызвали у моряков такое же удивление, как и сам город. Здесь господствовал страшный беспорядок, а грязь была повсеместной - мусор, металлический хлам, рассыпавшиеся ящики и обломки списанных автомобилей, картофельная шелуха и экскременты.

Краны начали разгружать боеприпасы. Русские грузчики затем перетаскивали ящики к стоявшим неподалеку железнодорожным вагонам. В рабочих бригадах были солдаты, гражданские лица и женщины. Вскоре моряки догадались, что солдаты - это находящиеся в отпусках, имеющие легкие ранения или выздоравливающие военнослужащие, а гражданские лица - политические заключенные. Женщин было почти столько же, сколько мужчин, и работали они с такой же нагрузкой - те, которые помоложе, были довольно крепкими девами с ногами толщиной в телеграфный столб.

Морякам поведение портовых рабочих показалось весьма странным. Какое-то время военные и гражданские работали в нормальном ритме, но затем происходило что-то неладное. Краны останавливали работу, и крановщики начинали поливать руганью рабочих. Те вступали в перепалку, каждый яростно жестикулировал и сыпал словами. Это могло длиться бесконечно. Затем без видимой причины работа возобновлялась, но снова останавливался в совершенно непредсказуемый момент времени. Рабочие садились на ящики или кучи мусора, ели ломти хлеба или какую-то другую странную еду, и разглядеть, что это за еда, издали было невозможно. Во такое время перерыва и мужчины, и женщины оправлялись без малейшего намека на смущение, не беспокоясь о том, чтобы удалиться куда-нибудь...

Дождь прекратился. Моряки с беспокойством смотрели на небо, опасаясь того, что защищающий их покров облаков вот-вот исчезнет. Они не могли понять, почему русские отказались использовать судовые краны и лебедки, чтобы ускорить трудоемкий процесс разгрузки. Они охотно помогли бы русским рабочим безо всякого вознаграждения, но это было запрещено. Местные власти всегда возражали против использования судовой техники и экипажей при разгрузке судов конвоев.

В конце концов последний ящик с боеприпасами перекочевал на причал. Судно отошло от причала и направилось к противоположному берегу, где разгружались другие военные материалы. На половине пути судно потряс глухой взрыв, поднявший столбы воды вокруг его бортов. Двигатель остановился. Наскочившее на магнитную мину судно сильно накренилось на правый борт, из борта в корпусе вырвался пар... Прошло три минуты. Экипаж выбежал на палубу, но на берегах гавани ровным счетом ничего не происходило. На причале, предназначенном для разгрузки военного снаряжения, стояло несколько русских, довольно безучастно наблюдавших за происходящим. По всей видимости, судно предстояло затонуть посреди гавани в атмосфере всеобщего равнодушия. Наконец на полной скорости примчался катер, обошел судно и остановился. Одетые в меховые куртки люди, находившиеся на катере, стали что-то кричать по-

русски лоцману, который стоял, опершись о поручни. Он что-то прокричал в ответ, и началась перепалка, которая казалась бесконечной. Моряки были в недоумении и не могли понять, о чем шел спор, когда ситуация казалась очевидной. Судно уже кренилось на корму. Капитан схватил громкоговоритель и обратился к русским по-английски.

В конце концов с берега подошел буксир и занял позицию впереди судна. Троса были закреплены, за кормой буксира вскипела пена, но судно не сдвинулось с места: оно слишком отяжелело из-за принятой им забортной воды. Капитан прокричал русским, что нужен второй буксир и немедленно. Катер помчался в сторону берега.

На воду спустили шлюпку, чтобы отправить на берег несколько раненых и двух погибших, которых только что вынесли из машинного отделения. Экипаж был в отчаянии. Неужели все было впустую - пройти весь путь до Мурманска, рискуя своей жизнью, чтобы увидеть, как твой груз так бездарно уходит под воду. В тот момент, когда шлюпка была спущена на воду, раздался вой сирены, и в бой вступили зенитки. Эсминцы, стоявшие на якоре немного ниже по течению, тоже открыли огонь. Пять самолетов вынырнули из облаков и начали пикировать на железнодорожную станцию и причалы, расположенные на левом берегу. Раздались взрывы. Через две минут зенитки прекратили огонь: в воздух поднялись советские истребители, но немецкие бомбардировщики были уже далеко. Станция была в огне...

Подошел второй буксир. Вернувшийся катер подцепил шлюпку с ранеными и убитыми и сразу же отправился к берегу. В это время грузовое судно продолжало тонуть. Буксиры предпринимали отчаянные усилия, но было очевидно, что время ушло. Некоторое время они продолжали попытки сдернуть судно с места. Капитан и несколько офицеров оставались в его носовой части, когда оно продолжало крениться на бок. Что-то предпринимать уже было бесполезно. Судно оставалось неподвижным, и вода уже накрыла кормовую часть палубы... Оно так и затонуло со всеми грузовиками и танками...

Группа моряков с кораблей конвоя PQ16 была приглашена на ужин Наркомом Внешней Торговли (*заместителем наркома ? - ВК*) Ковальским. Это был невысокий человек в папахе с приятным лицом. Погода была холодная, туманная и дождливая. Ковальский для начала показал гостям местные монументы. Их привели к "Дому Отдыха и Культуры" - большому белому бетонному зданию. Напротив него было обширное пустое пространство, которое в любом другом городе мира к югу от Полярного Круга было бы занято парком. Огромный памятник Ленину располагался в самом почетном месте, а напротив него лежал сбитый двухмоторный *Мессершмитт-110*. Моряки осмотрели статую и трофей. "Теперь давайте отужинаем, - сказал Ковальский. - Мы пойдем в гостиницу "Арктика"".

В июне 1942 года бригады уборщиков не справлялись с очисткой улиц от щебня, глыб и железного хлама. В наполовину разбомбленном городе все еще жили люди. Все моряки, в особенности, американцы, были поражены видом этих бригад, работавших под дождем. Они состояли их мужчин, женщин и детей. Напротив гостиницы "Арктика" работало множество женщин, самым молодым из которых было не меньше пятидесяти. Они рыли ямы и вкапывали в них телеграфные столбы... В холле гостиницы "Арктика" стояли четыре громадные статуи бурых медведей - по одному в каждом углу. Небольшое количество русских офицеров и несколько военных и моряков союзных армий и флотов всех рангов сидели в креслах, пили и курили. "Вы увидите, насколько это приятное место, - сказал Ковальский. - Там есть и парикмахерская. Вы можете прийти сюда в любое время, и вам всегда будут рады". Нарком, очевидно, не мог предвидеть, что ровно через неделю гостиница будет превращена в развалины во время бомбежки...

Он проводил гостей в ресторан, где на столах стояли икра, рыба, мясо и рис вместе с большим количеством водки и белого вина. Ковальский развлекал гостей историями о грандиозных усилиях, предпринимаемых Россией в войне против общего врага, приводил цифры и упомянул о том, что они видели собственными глазами: о гражданском населении, работающем не покладая рук в тяжелейших условиях. Это не нуждалось в пояснениях. Для людей, которые прибыли из США и даже из Великобритании, эти бараки в Заполярье были потрясением, и они восхищались храбростью и мужеством их обитателей. По другим вопросам возникали дискуссии. В конце ужина гости стали предпринимать попытки обменяться шутками с официантками. "Вы знаете, - сказал Ковальский, - в этом месте необходимо вести серьезно. Наша советский моральный кодекс довольно суров. Любая советская женщина, которая вступает в связь с иностранцем, будет серьезно наказана. Но вы найдете другие развлечения. Каждую субботу вечером, например, в Доме Отдыха и Культуры поет мужской хор из 500 голосов. Концерты дают даже во время

бомбежек. Солист хора приезжает из Ленинграда каждую неделю, несмотря ни на что. Я уверен, что вам это понравится".

Моряки проявили довольно умеренный энтузиазм. Ковальский добавил, что они также должны посетить Международный Клуб, где смогут встретить "девушек, с которыми можно потанцевать и поговорить". Это предложение было встречено громкими аплодисментами, и большинство моряков отправилось в этот клуб в тот же вечер.

Кто-то мог прочитать в появляющихся сегодня статьях некоторых журналистов, что девушки были хорошенькими и нарядными, что они прекрасно танцевали и свободно говорили по-английски, а моряки отлично провели время в Международном Клубе, танцуя и вежливо беседуя с партнершами по танцу. Свидетели, с которыми мне удалось переговорить, предоставили мне существенно другую версию описываемых событий. Девушки танцевали как деревянные в руках своих партнеров. Мужчины были настолько разочарованы, что через час они уже танцевали друг с другом - совершенно очевидно, что это не входило в первоначальную программу вечера. Никто из моряков не пришел в клуб во второй раз. Кто-то может поинтересоваться, зачем местные власти обеспокоились открытием этого клуба и отправили туда девушек. Моряки так этого и не поняли, как не поняли многого другого из поведения русских...

На раннем этапе проводки конвоев русскими и союзными офицерами было организовано несколько приемов друг для друга на военных кораблях. Один британский офицер, служивший на эсминце, описал один из таких приемов. Вместе со своими товарищами он получил приглашение посетить советский эсминец. После нескольких рюмок водки русские на смеси английских и русских слов начали поднимать тосты за маршала Сталина и т.п. Русские пили по-серьезному, да и гостям полагалось осушать рюмки одним залпом. В конце пьянки один из британцев провозгласил тост за его Величество Короля Георга VI, поскольку ни один из русских об этом не подумал. Все советские офицеры выпили за исключением одного из них, который швырнул свой стакан на пол, плюнул на него и разразился потоком непонятных проклятий. Поскольку к этому моменту все уже были на взводе, британские офицеры сумели проигнорировать этот инцидент и отнести его на счет выпитого. Вечер окончился немного позднее, и британцы вернулись на свой корабль.

На следующий день большая группа вооруженных людей появилась на причале, у которого стоял британский эсминец. Капитан эсминца, готовый ко всяким неожиданностям, скомандовал: "Занять боевые посты!" Однако, приблизившись к эсминцу, русские остановились и расступились, и британцы увидели человека, одетого в брюки и рубашку. Повернув лицо к кораблю, он произнес что-то похожее на речь. После этого его отвели в сторону и расстреляли на глазах у измученных британцев. Позднее они узнали, что человек был тем самым офицером, который устроил сцену после того, как был предложен тост за короля. Так он был наказан за нарушение дисциплины...

Вообще русские имели слабость к стрельбе. В нескольких случаях офицеры и моряки-иностранцы едва не стали жертвами военных патрулей - эти ребята всегда были готовы пальнуть по всему, что движется. Часовые нередко категорически отказывались взглянуть на пропуска, которые выдавали иностранным морякам, или по причине своей неграмотности просматривали их, держа вверх ногами.

Союзным кораблям, находившимся в Мурманске, было запрещено использовать радио. Вся связь с ними осуществлялась через посредничество советских властей. Морякам не разрешали выезжать за пределы Мурманска - даже тем, кому довелось застрять в нем на несколько месяцев. Адмирал W. H. Standley, посол США в Москве, после долгих переговоров добился разрешения на посещение Москвы несколькими капитанами кораблей и старшими офицерами в качестве своих личных гостей.

Несколько раз Британское Командование предлагало Советскому Командованию перебазировать в Мурманск несколько эскадрилий RAF для усиления противовоздушной обороны города и бомбовых атак на немецкие аэродромы в Северной Норвегии. Русские раз за разом отвергали предложения. Ближайший немецкий аэродром находился в 40 милях, другими словами, в 10 минутах полета. Как только небо прояснялось, раздавался вой сирен, и немецкие бомбардировщики появлялись в небе. Русские истребители редко успевали подняться в небо до того, как бомбы начинали падать на город.

Разгрузка судов так и проходила неорганизовано и медленно. Кроме присущей русским невысокой производительности ("Русские способны решать гигантские задачи и не раз делали это, - сказал один из моряков, - но все это за счет огромных потерь и громадных усилий, которые ужасают людей с Запада"), их связывали непонятные ограничения. Моряки союзных кораблей приходили в бешенство от того, что им приходилось ждать целую вечность, пока не будет отдан приказ о начале разгрузки, и это при том, что причалы были пустыми, краны наготове, а рабочие простаивали. Однажды команда одного из кораблей, выведенная из себя тем, что ей пришлось дожидаться разгрузки целый месяц, а не несколько часов или дней, выгрузила содержимое своего трюма на большую льдину с помощью своего собственного крана. Только когда был спущен на лед последний грузовик, появились представители портовых властей, которые после долгой ругани прислали буксир...

Теперь очевидно, что советским властям так и не удалось "промыть мозги" иностранным морякам. Приглашение Ковальского было просто актом вежливости, что было трудно понять на фоне поведения русских в целом. Определенно то, что для моряков-коммунистов и просто сочувствующих коммунистам (а таких было немало) пребывание в Мурманске стало идеологической прививкой. Признания огромных достижений русских и значения их военных усилий оказалось недостаточным для того, чтобы заставить их забыть увиденное собственными глазами - а именно, те ужасающие условия, в которых жило большинство граждан России. Эта бедность, фактически, легла в основу отношений, которые сформировались между британскими и американскими моряками с одной стороны и простыми русскими с другой, несмотря на все запреты и сложности.

Обычно русские предлагали водку в обмен на продукты и одежду, при этом в своих домах жители Мурманска принимали моряков с максимальными предосторожностями. Бартерная торговля иногда приводила к появлению отношений, не связанных с коммерцией, но очень редко. Моряков, застигнутых на "месте преступления" при развитии подобных отношений или легкого флирта с местными женщинами приводили на их корабли под дулом автомата! Некоторых задерживали на несколько дней в местных полицейских участках, что охлаждало их пыл... Конечно, было бы странно, если бы развитие коммерции на уровне черного рынка не породило многочисленные неприятные ситуации. Моряков наказывали за то, что они пропадали на несколько дней, за пьянство или отказ работать, за кражи продуктов на судах или рационов со спасательных шлюпок. Капитан S. V. Franckel, военно-морской атташе в Северной России, был вынужден отдать под суд нескольких моряков и за более серьезные проступки.

Мы не должны забывать о том, что определенное количество этих людей приняли участие в Арктических конвоях только из-за того, что за это очень хорошо платили. Со временем им стало трудно выполнять все условия подписанных ими контрактов. Вероятно, именно среди этих людей оказались саботажники, имена которых попали в документы, свидетельствующие о подобных нарушениях. С другой стороны, в этих же документах мы находим множество примеров высокоэффективной работы, храбрости и изобретательности, продемонстрированных офицерами и рядовыми моряками. Если бы они не проявили эти качества, разгрузка судов оказалась бы еще более затянутой, а потери более значительными...

Гостиница "Арктика" была полностью разбомблена 10 июня. Уцелевшая голова одного из бурых медведей, казалось, рычала в тишине, обнажая клыки, в то время как из под развалин откапывали трупы. Среди погибших было несколько моряков конвоя PQ16.

Разочарованные мурманскими "развлечениями" капитаны грузовых судов и офицеры нескольких кораблей эскорта попытались занять экипажи спортивными соревнованиями: состязаниями в гребле, парусными регатами и т. п. Каждый военнопленный (а моряки конвоя PQ16 действительно считали себя военнопленными) знает, чего стоят эти развлечения: забудешь обо всем на пару часов, а потом опять возвращается скука. "Но пара часов выиграна," - говорят организаторы, и, вероятно, они правы. Надо сказать, что сирены воздушной тревоги часто прерывали подобные регаты в Мурманске. Наиболее удивительный эпизод произошел с экипажем корвета *Roselys* (это был корабль военно-морских сил Свободной Франции - ВК), который принял участие в слаломе на надувных плотах. В команде было несколько уроженцев Таити и Нумеа (*Новая Каледония* - ВК). Как только раздался выстрел из стартового пистолета, эти парни, работая веслами в идеальном ритме, запели полинезийскую песню. Ледяные воды гавани вернули песню - зазвучало эхо, подхватившее спетую гармоничными голосами мелодию. Моряки, столпившиеся вдоль поручней своих судов, и русские, молча стоявшие на обгоревших причалах, молча слушали, и, казалось, было что-то ритуальное в этой песне южных морей, разносившейся над Арктикой...

Небольшая группа судов конвоя PQ16 была отправлена в Архангельск. Сначала суда встали на якорь возле Иоканги, где они приняли на борт русских лоцманов. Эти люди имели монголоидный облик, только чуть-чуть говорили по-английски и, казалось, не обладали большим опытом. На каждое судно поднялось по два человека: один был лоцманом, другой хранил полное молчание. Когда суда тронулись в путь вверх по Двине, моряки подумали, что они оказались в каком-то пустынном районе Китая, а не России. На поросших кустарником берегах не было ничего, кроме редких деревянных изб, в которых жили очень старые крестьяне. Они выглядели истощенными и были одеты в бесцветное тряпье.

Одно из судов село на мель. На протяжении двух часов лоцман пытался сдвинуть его с места, но безрезультатно. В конце концов лоцман разрыдался к немалому изумлению всей команды. Его товарищ оставался безучастным и продолжал молчать. Один из моряков, который уже бывал в Архангельске, объяснил капитану, что напарник лоцмана сам таковым не был, а просто присутствовал, чтобы следить за поведением своего товарища. Таким был порядок вещей. Надзирателю, конечно же, полагалось докладывать о происшествиях, поэтому лоцман N1 и был в слезах. В итоге капитан взялся за дело и сумел двинуть судно с мели.

Большинство судов получило распоряжение встать на якорь в Бревеннике, который был чем-то вроде внешнего порта для Архангельска. Здесь были только деревянные лестницы для схода на берег. Не было магазина, не было кафе, не было ни одного дома, достойного упоминания: только несколько изб. И опять можно было встретить только истощенных, бедно одетых людей, которые даже не смотрели в сторону судов. Тем не менее, через полчаса после прибытия судов на деревянных причалах собралась огромная толпа. Это была удивительная толпа, состоявшая почти исключительно из детей, почти все из которых были мальчишками. Они были одеты невероятным образом - в овчинные полушубки, в одеяла с дырками для головы, в драные военные кители и даже рванье, которое могло когда-то представлять собой старорежимные ливреи. Ни у кого из них не было обуви. Эта толпа подтянулась к краю причалов непосредственно под бортами судов, мальчишки кричали, как ласточки, подпрыгивали и протягивали морякам руки. "Товарищ, шоколад! Товарищ, папиросы!" - кричали дети. Как ни странно, они ничего не кланчили, как сначала показалось морякам. Нет, они протягивали стопки купюр. У них явно был немалый запас рублей, поскольку они показывали, что их карманы забиты банкнотами, продолжая кричать: "Товарищ, шоколад! Товарищ, папиросы!" То есть, и в Бревеннике был черный рынок, и спекулянтами были дети!

Официальный обменный курс был следующим - двадцать рублей за фунт. По знакам, которые подавали дети, можно было понять, что они предлагали 50 рублей за плитку шоколада и сорок за сигарету. Моряки не могли поверить своим глазам и решили, что банкноты были поддельными. Но их товарищи, которые уже бывали здесь, опровергли это мнение. Это был курс черного рынка на побережье Белого моря, и стоило воспользоваться данной ситуацией, чтобы поразвлечься на берегу с большей интенсивностью.

Торговля началась. Моряки кидали вниз сигареты и плитки шоколада. Дети ловили их с невероятной ловкостью и передавали морякам рубли через одного из своих, которого ставили на плечи стоявших внизу. При всем возбуждении, сопровождавшем торговлю, никто ни из них даже не попытался обдурить клиентов. В какой-то момент один из моряков бросил вниз банку сардин. Дети бросились врассыпную, как будто это была граната! Увидев, что брошенный объект не представляет опасности, они оставили его там, где он лежал, и вновь начали кричать и жестикулировать. Никто из них не съел и кусочка шоколада и не закурил сигарету. Они прятали свои сокровища, вероятно, рассчитывая использовать их для бартера. Работали они сами на себя или на кого-то? Откуда у них были эти пачки рублей? Моряки так этого и не узнали. Как только малолетние спекулянты израсходовали свои денежные резервы, они исчезли так же быстро, как и появились, и деревянные причалы опустели.

Следующие два дня суда были на пути в Архангельск. Время от времени моряки видели старинные колесные пароходы - ржавые, грязные, выглядевшие как призраки, нагруженные лесом или шедшие порожняком. Их команды, состоявшие их мужчин и женщин, не реагировали на приветственные крики или подаваемые руками сигналы иностранных моряков.

На первый взгляд Архангельск не показался неприветливым: они увидели ряды вполне современных домов, над которыми возвышалось похожее на пагоду зеленое здание оперы. Но чем ближе подходили к берегу суда, тем менее привлекательным выглядел город. Причалы, так же, как и улицы, вдоль которых стояли современные дома, оказались замусоренными, и вонь от

них была невыносимой. Хотя жители города не выглядели такими оборванцами, как крестьяне, которых моряки видели на расстоянии, одеты они были бедно. Первые из моряков, которые побывали на берегу, рассказали, что местное население полностью состоит из стариков. Мужчины и большая часть женщин призывных возрастов к тому времени покинули город. Это не радовало. Все эти жалкие старики-пешеходы не сводили глаз с иностранных моряков. Они смотрели на них, но ни разу не откликнулись на дружеское приветствие и тотчас же уходили после того, как им была предложена сигарета, хотя стоила она 40 рублей!

Два ресторана - в гостинице "Турист" и Международном Клубе - были открыты для иностранцев. Группа офицеров военно-морского флота посетила ресторан гостиницы "Турист" в первый же день. Он оказался чистым и в хорошем состоянии. На одном из столов стояла ваза с зеленой травой, поскольку цветов не было. Небольшой оркестр попеременно играл русские песни, такие как "Из-за острова на стрежень", или старые блюзы. Время от времени музыка почти полностью заглушалась мощными радиоточками, по которым, по словам старшего официанта, передавали последние военные сводки. Иностранные моряки могли заказать икру, копченого лосося, крабов, мясо, масло и яйца и столько водки, сколько им заблагорассудится. За соседними столами русские офицеры ужинали вместе со своими женами. Эти пары выглядели какими-то неуверенными в себе и почти замороженными. Они бросали быстрые взгляды на иностранцев и мало разговаривали. Водка помогла морякам расслабиться. Ужин обошелся им в сотню рублей, то есть, в 5 фунтов по официальному курсу. Но поскольку все офицеры ранее попросили своих подчиненных выступить в роли брокеров во время стоянки в Бревеннике, цены в гостинице "Турист" не показались им заоблачными...

Моряки с транспортов могли ужинать только в ресторане Международного Клуба (гостиница "Турист" была зарезервирована для офицеров). Меню и цены были примерно одинаковыми. Хозяйки танцевального зала Международного Клуба были такими же, как и в Мурманске. Моряки были разочарованы так же, как и их товарищи в других портах. Они бродили по улицам в поисках сувениров. Все магазины были открыты, но их полки были почти совершенно пустыми. Вот список предметов, которые были популярными среди "туристов" в то время: маленькие броши из китовой кости, дверные колокольчики, карнавальные маски, щипцы, деревянные ложки, погремушки и велосипедные звонки. Ничего другого - не было одежды, обуви, постельного белья или ковров. Хотя, были исключения. Один офицер купил в качестве особой услуги десяток грамофонных пластинок в обмен на 5 сигарет. Очевидно, он купил пластинки, не зная, что было на них. Когда он решил послушать их, оказалось, что на них были речи Сталина...

С моряками, прогуливающимися вдоль главной улицы, постоянно вступали в переговоры мальчишки - вероятно, те же, что встречали суда в Бревеннике. Они шепотом предлагали обмен, скрытно показывая пачки рублей. Обычно их отгоняли женщины-полицейские. Пацаны убежали, но через минуту-другую появлялись снова.

Кроме девушек-роботов в Международном Клубе был кинозал. В нем показывали фильм "Every Dawn I Die" (*вероятно, речь идет о голливудском фильме Each Dawn I Die (1939) - ВК*). Моряки также посетили оперу, где было дано комедийное представление: должно быть, это было смешно, судя по реакции русской аудитории, но иностранцы ничего так и не поняли. Но здесь они все-таки расслабились и даже получили удовольствие от времяпровождения. Только тут моряки смогли увидеть, что жители Архангельска еще помнят, что такое смех.

В этом порту, как и в Мурманске, офицеры обоих флотов приглашали друг друга к себе на корабли. Опять было много водки и тостов. Неприятных ситуаций больше не было. Отношения между союзниками существовали только на уровне коллективов - индивидуальные контакты не поощрялись и даже запрещались.

Морякам, которые оказались в Архангельске, повезло больше чем тем, кто остался в Мурманске, поскольку здесь не было бомбежек. Тем не менее, и здесь экипажи быстро ощутили депрессию и стали тосковать по дому. Было мало удовольствия в том, чтобы заглядывать в пустые магазины и слоняться по грязным улицам, заполненным людьми, которые смотрели на них, но не разговаривали с ними. Вскоре морякам приелись и русская еда, и копченый лосось, и водка. Они скучали по пиву. Через несколько дней моряки даже перестали сходить на берег и с нетерпением ждали отплытия.

23 июня состоялся массированный налет немецких бомбардировщиков на Мурманск. Русские истребители вступили в бой, как только упали первые бомбы, но немцы имели большое численное превосходство. Бомбардировщики прилетали волнами - каждая новая волна накатывалась тогда, когда предыдущая в пикировании сбрасывала бомбы. Доки горели, и казалось, что портовые сооружения будут полностью разрушены в этой атаке. В действительности, как это часто бывает, последствия налета не были катастрофическими. Тем не менее, разгрузку последних судов конвоя пришлось отложить. Было решено, что обратный конвой (QP13) сейчас же отправится в путь, не дожидаясь неразгруженных судов. К конвою присоединились суда из предыдущего конвоя, отставшие по той же причине. На судах, которым предстояло остаться, было беспокойно. Глядя на бригады, ремонтирующие рельсовые пути вдоль причалов, моряки с тревогой ожидали, что следующий налет уничтожит результаты сегодняшней работы. В конце концов, моряки начали протестовать - они говорили о том, что их задержка в Мурманске приведет к гибели их судов и их собственной гибели. Они были озлоблены и почти отчаялись из-за невозможности уйти из этого порта, который так хотели увидеть всего месяц назад.

Утром 26 июня среди экипажей неразгруженных судов пронесся слух о том, что завтра они выйдут в море. Старшие помощники, стараясь следовать рекомендациям относительно рационов для моряков (не слишком много консервов, но побольше витаминов), делали все возможное, чтобы раздобыть какие-то свежие продукты для обратного рейса. К сожалению, их Мурманске было так же мало, как и всего остального. Коки получили картофель и несколько оленьих туш, на которые они смотрели с немалым подозрением. Оленина оказалась вполне съедобной в тушеном виде, но отвратительной в жареном виде...

Новый налет немецкой авиации имел место 27 июня в 3 часа утра. Через пять часов был подтвержден приказ к отплытию вечером того же дня. Моряки конвоя узнали одновременно с этим, что британский тральщик *Gossamer* (850 тонн) был потоплен в ходе утреннего налета. Тринадцать человек погибли. Желание поскорее выйти в море усилилось...

Кораблем, команда которого больше всех жаждала отправиться в обратный путь, вероятно, был тральщик *Niger*. Его капитан только что получил приказ присоединиться к конвою QP13. Этот тральщик простоял в Мурманске не месяц и не два - он пробыл в нем всю зиму. В условиях бесконечной арктической зимы и полярной ночи *Niger* тралил магнитные мины, сброшенные с самолетов в реку и эстуарий, и ломал лед. Команда выдержала сотни воздушных атак, многие из которых были нацелены непосредственно на ее корабль. Кроме всего, они перенесли восемь месяцев полной изоляции, которая напоминала плен. Теперь им предстояло увидеть свою страну и свои семьи, и они надеялись, что им больше не придется приходить Мурманск, и что это будет очередь кого-то еще...

Из книги ORDEAL BELOW ZERO, Georges Blond, 1956.

Перевод и обработка - Владимир Крупник